

Анна Шилд
Ада Огнева

ЗАПРЕТНАЯ ИГРА БОССА

18+

Ада Огнева

Запретная игра босса

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Запретная игра босса / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Надежда Ясенева умеет спасать старинные рукописи, но не знает, как защитить мать от ростовщиков, требующих чужой долг. Филипп Романов появляется в последний момент и предлагает выход: год принадлежать ему в обмен на безопасность самого близкого человека. Надя соглашается на сделку, а не на чувства. В закрытом поместье миллиардера это различие быстро перестаёт казаться надёжным. Его правила душат, его внимание обжигает, а за холодным контролем скрывается тайна погибшей женщины. Чтобы понять, во что она попала, Наде придётся нарушить запреты хозяина дома.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Шилд

Запретная игра босса

ЗАПРЕТНАЯ ИГРА БОССА

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Тяжелый филенчатый брус входной двери жалобно затрещал, когда в него снаружи с маху впечатался металлический лом. Старая известковая штукатурка над косяком пошла паутиной глубоких трещин и осыпалась на половичок сухой, едкой крупой.

— Открывай, сука! — прокуренный, сиплый голос за тонким деревом сорвался на визг. — Открывай по-хорошему, пока петли с мясом не выворотили! Слышишь, художница?!

Надежда стояла посреди узкой прихожей сталинки, ощущая, как ледяной сквозняк из разбитого окна лестничной клетки тянет по щиколоткам сквозь тонкие домашние чулки. Пальцы ее правой руки судорожно, до белизны костяшек сжимали массивный, острый скол сине-белой фарфоровой вазы эпохи Мин — подлинного реставрационного образца с кобальтовой росписью, который отец привез тридцать лет назад из пекинской экспедиции. Час назад, когда первый удар сотряс замок, она случайно смахнула вазу с консоли. Теперь тяжелый черепок с клиновидным зубцом служил ей единственным оружием в ночном городе.

На полу у порога гостиной, скорчившись на потертом дубовом паркете елочкой, задыхалась мать. Семнадцатое октября только началось, а Надя уже знала: эту ночь она запомнит навсегда. Елена Сергеевна не могла даже вскрикнуть. Ее тонкие, узловатые пальцы побелевшими ногтями впивались в серый вязанный платок на груди. Губы женщины отливали смертельной синевой, по восковому лбу градом катился холодный пот, а в груди глухо и страшно клокотало. Старый сердечный клапан не выдерживал чудовищного давления.

— Мама... мамочка, потерпи, не закрывай глаза! Дыши, ради бога, дыши! — шептала Надя, не решаясь опустить скол и упасть перед ней на колени.

Флакон с сердечными каплями лежал рядом, расколотый пополам о ножку вешалки. Едкий ментоловый дух лекарства смешивался с запахом сырости, известки и застарелого табачного чада с площадки.

Второй удар вырвал верхний засов. Стальной язычок с визгливым скрежетом вывернул кусок сосновой коробки. Дверь с грохотом распахнулась настежь, ударившись о стену так, что с вешалки сорвалось старое отцовское пальто.

В прихожую, тяжело сопя и распространяя зловонную волну кислого пивного перегара, ввалился Бугай — двухметровый бритоголовый верзила в лоснящейся кожаной куртке. В широченной ручище он держал тяжелую полутораметровую монтировку со сбитой краской. Следом, облизывая потрескавшиеся губы и вертя в пальцах кусок граненой арматуры, протиснулся Чайка — вертлявый тип с бегающими глазками.

А замкнул шествие сам Тарас Зубов.

Ростовщик перешагнул через сорванный порог с глумливой хозяйской грацией. Одутловатый, с сальными залысинами в мокром вороте куртки, он брезгливо оглядел убогую прихожую, пожелтевшие стены, завешанные отцовскими архитектурными отмычками, мерцающую сорокаваттную лампочку и остановил мутный взгляд на лежащей женщине.

— Ну что, Ясенева, отбегались? — Зубов достал плотный ламинированный лист и с треском расправил его перед лицом Надежды. — Полночь миновала. Твой покойный папаша подписал вексель на тридцать пять миллионов целковых под залог этой конуры и своего проектного архива. Время вышло, девочка. Либо ты сию секунду ставишь свою закорючку вот здесь, на добровольном отказе от наследственной доли и переуступке прав, либо мы прямо сейчас выносим твою мамашу на мороз.

— Вон отсюда! — крикнула Надя, выставя перед собой фарфоровый зубец. Голос ее дрогнул, но взгляд остался прямым, полным неукротимой ярости. — Пошли вон из нашей квартиры! Вы подделали подпись отца, когда он лежал в коме после инсульта! Завтра слушание в суде!

Зубов глухо и мерзко рассмеялся, обнажив желтые зубы с золотой коронкой на клыке:

— Суд? Завтра? Твоя мамаша к утру остынет в городском морге номер четыре. Взгляни на нее — сердечный коллапс. Скорую ждешь? Мои ребята колеса их карете во дворе прокололи. Никто сюда не поднимется. Подписывай бумагу, Наденька. Иначе мамаша задохнется через пять минут, а тебя Бугай отвезет в банный комплекс за кольцевую. Там такие чистенькие девочки с тонкой талией отрабатывают долги годами.

Бугай хохотнул, шагнул вперед и с размаху опустил монтировку на антикварную консоль красного дерева. Резная ножка треснула, ящик вывалился, разбрасывая по полу пожелтевшие чертежные кальки.

— Тронь ее хоть пальцем, тварь! — Надя сделала резкий выпад вперед. Острый край фарфора пропорол рукав кожанки Бугая, задев предплечье. Черная кожа лопнула, выступила темная венозная кровь.

— Ах ты, сучья порода! — взревел громила, замахиваясь ломом на девушку.

Надя не отступила. Она плотнее сжала челюсти, готовая всадить черепок в горло нападающего.

Но удар так и не опустился.

Сзади, на лестничной клетке, внезапно оборвался шум. На площадку третьего этажа легла звенящая тишина — та тяжелая плотность воздуха, которая предшествует удару молнии.

Сухой щелчок — и Чайка даже не успел вскрикнуть.

Из полумрака площадки выметнулась широкая рука в тактической перчатке с кевларовой накладкой. Короткий удар ребром ладони под основание черепа — и коротышка обмяк, рухнув на пыльный бетон лестницы. Арматурный прут звякнул о ступень и покатился вниз.

Бугай дернулся было назад, но в дверном створе уже выросла фигура второго оперативника в черном шерстяном пальто. Молниеносный перехват запястья на изломе, сухой треск вывернутого плечевого сустава и сокрушительный удар коленом в переносицу. Бритоголовый великан захлебнулся собственной кровью и рухнул на колени, роняя лом.

Зубов попятился, вжимаясь мокрой спиной в обои. Жирные пальцы ростовщика задрожали, выпуская из рук ламинированный вексель.

В дверях замер Вадим Тарасов. Начальник службы безопасности, двухметровый исполин с лицом из серого гранита и перебитой армейской переносицей, перешагнул через стонущего Бугая, окинул прихожую сканирующим взглядом и молча шагнул в сторону.

А затем вошел он.

Филипп Александрович Романов заполнил собой все пространство старой сталинской прихожей, вытеснив из нее даже остатки воздуха.

Высокий, широкоплечий, ростом под метр девяносто, он двигался с той абсолютной, хищной неторопливостью верховного зверя, которому никто во всей вселенной не смел перечить. На нем было распахнутое длинное пальто из черного матового кашемира, темно-серый костюм-тройка из тончайшей шерсти. Воротник белоснежной батистовой рубашки был растегнут, обнажая мощную шею. Лицо — резкое, чеканное, с тяжелой квадратной челюстью в темной трехдневной щетине. Но страшнее всего были его глаза: ледяные, цвета штормовой балтийской стали, лишенные человеческой жалости.

Вместе с ним в нищую квартиру ворвался властный шлейф: горький бергамот, дорогой трубочный табак, морозная шерсть и выделанная кожа.

Подолшва начищенного оксфорда Романова с сухим хрустом наступила на осколок китайского фарфора, превращая реликвию в белую пыль. Он даже не опустил взгляда.

Его серо-стальные глаза впились в Надежду.

И в эту самую секунду Надя увидела, как в непроницаемом гранитном лице титана что-то дрогнуло. Зрачки Романова резко расширились, крылья носа напряглись. В его взгляде вспыхнуло темное, ошеломляющее узнавание — словно перед ним возник призрак из самой страш-

ной бездны прошлого. Те же орехово-карие глаза, те же густые каштановые волосы с медным отливом, та же гордая посадка тонкой шеи.

Но наваждение длилось миг. Черты лица вновь одеревенели в безжалостную маску.

— Фи-филипп Александрович... — голос Зубова сорвался на визг. Ростовщик согнулся пополам. — Филипп Александрович... Мы же не ведали, что этот дом под вашим личным кураторством...

Романов медленно повернул к нему голову. Во взгляде олигарха не было даже презрения.

— Подлинники, — уронил он. Этот низкий баритон отдался в диафрагме Нади физической вибрацией. — Все три векселя. Сюда. Живо.

Зубов трясущимися руками достал из бумажника три желтоватых листа гербовой бумаги с водяными знаками и передал Тарасову.

Начбез проверил печати:

— Подлинники, шеф. Подпись архитектора Ясенева, тридцать пять миллионов, нотариальный залог.

— Зубов, — произнес Романов тихо. — У тебя сорок минут, чтобы покинуть область. Навсегда. Если через сорок одну минуту твоя машина окажется ближе ста километров от кольцевой — твои останки найдут в бетоне. Пошел вон.

Ростовщика словно ветром сдуло. Подхватив стонущего Чайку и за шиворот волоча скулящего Бугая, шайка кубарем скатилась по темным лестничным маршам.

В квартиру вошли трое медиков в темно-синей униформе кардиоцентра Романова. Врач опустил на колени рядом с Еленой Сергеевной, ловко вводя иглу катетера в вену предплечья:

— Острая коронарная недостаточность, давление почти не определяется. Срочно на носилки. В карету, готовьте кардиостимулятор!

— Мама! — отчаянный крик вырвался из груди Нади.

Она выронила фарфоровый осколок. Он со стуком ударился о дерево. Надя бросилась вперед, опустилась на колени прямо в пыль, пытаясь перехватить слабую ладонь матери:

— Мамочка, родная моя, я с тобой! Доктор, я поеду в машине!..

Санитары подняли титановые носилки и быстро понесли их к выходу. Надя рванулась следом, но сильная рука в коже сомкнулась на ее правом предплечье железным кольцом.

Пальцы Романова сжали кость сквозь ткань блузки с такой мощностью, что перехватило дыхание. Ее развернуло на месте, как пушинку.

Она с силой уперлась ладонью в твердую, монолитную грудь Романова. Под сорочкой перекачивались тугие, горячие, как раскаленный камень, мышцы. От него пахло морозным ветром и опасностью.

Надежда задрала голову, встречая его ледяной прищур:

— Пустите! — выдохнула она, пытаясь вырвать руку. — Моя мать умирает!

— О ней позаботятся лучшие кардиохирурги страны, — отчеканил Романов. — Ее повезут в мою клинику. Врачи уже борются за ее жизнь.

— Тогда отпустите меня!

— Нет, Надежда, — уголки его губ тронула жестокая усмешка. — Твоя прежняя жизнь закончилась в ту секунду, когда я переступил этот порог. Спускайся вниз. У нас с тобой есть неоконченный разговор.

Глава 2

Ледяной осенний ливень ударил Надежде в лицо в ту самую секунду, когда тяжелая подъездная дверь захлопнулась за ее спиной. Ветер рвал мокрые ветви старых кленов, швыряя побуревшие листья в черные зеркала маслянистых луж.

Посреди темного двора с включенными синими стробоскопами и завыванием сирены разворачивался огромный белый реанимобиль. Машина взревела форсированным мотором, взметнула веер брызг и с ускорением рванула в темную арку, унося мать прочь.

Надежда осталась стоять на растрескавшемся крыльце. Она была в одной тонкой полотняной блузке и темной юбке чуть ниже колен. Холодные струи воды промочили ткань насквозь; блузка облепила ключицы ледяным компрессом, капли стекали по шее, темные пряди липли к бледным щекам. Но Надя не чувствовала холода. Внутри нее полыхал яростный огонь непокорности.

Двор был залит ослепительным светом. Два тяжелых внедорожника сопровождения стояли по краям площадки с заведенными двигателями, от которых поднимался белесый пар. А прямо напротив подъезда замер длинный бронированный лимузин цвета антрацита. Из его решетки радиатора били два безжалостных конуса ксенона, высвечивая каждую каплю дождя и одинокую хрупкую фигуру девушки.

Позади слышались тяжелые шаги.

Романов спустился с крыльца. Охранник попытался раскрыть над головой хозяина огромный черный зонт, но Филипп Александрович небрежным движением ладони отстранил телохранителя:

— Оставь.

Олигарх подошел к Надежде почти вплотную. Его высокая фигура заслонила свет фар, погрузив ее лицо в глубокую тень. Он стоял под струями ледяного ливня совершенно неподвижно, словно стихия не имела над ним власти. Дождевые капли блестели на его темных волосах и стекали по квадратной скуле, очерчивая бескомпромиссную челюсть.

Надя судорожно вздохнула, расправляя плечи:

— Я знаю, кто вы, господин Романов. Вы выкупили отцовские векселя у бандитов не из христианского милосердия. Назовите вашу процентную ставку. Я продам отцовскую коллекцию эскизов и чертежей. Я отдам квартиру, устроюсь в три реставрационные мастерские одновременно, буду работать без сна! Я верну вам тридцать пять миллионов рублей до последней копейки! Назовите график платежей!

Романов молчал несколько секунд. Его взгляд — тяжелый, оценивающий, откровенно раздевающий — скользил по ее мокрой блузке, просвечивающей девичью грудь, по тонкой талии, по дрожащим, но упрямо сжатым губам.

Затем он медленно расстегнул пуговицы пальто. Одним плавным движением он снял тяжелое кашемировое одеяние и набросил Надежде на плечи.

Тяжелая ткань обрушилась на нее, как свинцовая плита. От пальто исходил одурманивающий шлейф его парфюма — терпкий бергамот, древесная смола, сухой табачный лист. Это тепло было чужим, пугающим и унижительным. Оно жгло кожу сильнее ливня.

— Твои реставрационные мастерские платят копейки за склеивание пыльных фолиантов, — заговорил Романов, перекрывая гул двенадцатицилиндрового мотора. — Тридцать пять миллионов ты не выплатишь и за три жизни. Твоя мать — полутруп. Ее операция на открытом сердце в клинике Цюриха стоит миллион двести тысяч евро. Плюс реанимационный спецборт, который я уже поднял по тревоге в Шереметьево.

Надя почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Чего... чего вы хотите? — ее голос сорвался на шепот.

Романов сделал шаг вперед, сократив расстояние до сантиметров. Надя физически ощутила исходящий от него жар.

— Год твоей жизни, — отчеканил он. — Триста шестьдесят пять дней. Ты переезжаешь в мою загородную резиденцию «Дубрава». Обрываешь абсолютно все связи со своим прошлым нищим окружением. Никаких друзей, мастерских, телефонов. На официальных раутах и советах директоров ты сопровождаешь меня в статусе моей официальной невесты. Твоя родословная дочери великого архитектора Ясенева и незапятнанная репутация нужны мне для закрытия крупнейшей инвестиционной сделки с европейскими фондами.

Надя замерла, не веря собственным ушам:

— Вы... вы предлагаете мне стать вашей содержанкой? Куклой для светских выходов?! Наймите эскортницу из агентства! Москва кишит продажными шлюхами!

Лицо Романова даже не дрогнуло:

— Продажные женщины продаются тому, кто заплатит больше. — Он посмотрел вслед исчезнувшему реанимобилю, и Надя невольно обернулась туда же. — А мне нужна преданность, запечатанная долгом. Ты не содержанка, Надежда. Ты мой залог. Если ты соглашаешься — мать сегодня утром приземляется в Швейцарии. Если говоришь «нет»...

Он достал из кармана костюма тонкий золотой телефон:

— ...Я нажимаю одну кнопку. Реанимобиль тормозит на съезде со МКАДа. Твою мать выгружают на мокрый асфальт обочины. А векселя с моим личным заявлением о мошенничестве через пятнадцать минут ложатся на стол следователю. Твоя мать не переживет СИЗО. Выбирай. У тебя ровно десять секунд.

Ярость — первобытная, ослепительная ярость затопила разум Надежды.

Схватившись за лацканы тяжелого кашемирового пальто, Надя с дикой силой сорвала его со своих плеч. Размахнувшись, она швырнула баснословно дорогую вещь прямо под ноги Романову — в черную жижу грязи, бензина и дождевой воды.

— Я не продаюсь! — закричала она прямо в его гранитное лицо. — Слышите вы, бессердечный ублюдок?! Я никогда не буду вашей рабыней! Подавитесь вашими миллиардами!

Челюсти Романова сжались с такой силой, что на скулах вздулись желваки.

Он не повысил голоса. Он просто шагнул вперед. Тяжелая подошва его оксфорда с размаху опустилась на воротник втоптанного в грязь пальто, вдавливая нежнейший кашемир в жижу.

Его рука выметнулась с быстротой броска кобры. Пальцы впились в плечи Надежды, сминая мокрую ткань блузки, и с нечеловеческой, пугающей легкостью толкнули ее назад.

Спина Нади с глухим ударом впечаталась в мокрый металл капота «Майбаха». Сквозь мокрую юбку она ощутила жар мощного разогретого двигателя, а сверху ее хлестали струи ледяного дождя.

Романов навис над ней, уперев руку в крыло машины возле ее бедра, а второй намертво фиксируя плечо. Его лицо оказалось в сантиметре от ее лица. Надя видела каждую пору на его щетинистой коже, темные крапинки на ледяной серо-голубой радужке, чувствовала его горячее дыхание с привкусом табака.

— Ты забыла свое место, девочка, — прорычал он тихо, но от этого шепота кровь стыла в жилах. — Ты будешь делать то, что я прикажу. Ты будешь дышать тогда, когда я разрешу. Потому что жизнь твоей матери висит на кончике моего мизинца.

Его абсолютная близость парализовала ее. И тогда инстинкт загнанного зверя взял верх над рассудком.

Левая рука Нади метнулась к волосам. Пальцы нащупали длинную, острую стальную шпильку ручной работы — подарок покойного отца с граненым стилетным концом.

Она выдернула шпильку из прически одним молниеносным движением. В ее глазах полыхнуло бешенство.

С коротким, отчаянным всхлипом Надя взмахнула рукой снизу вверх, метя острием прямо в горло склонившегося над ней титана.

Сталь вошла в плоть чуть выше воротника сорочки. Острый наконечник с влажным хрустом вспорол кожу на шее Романова, прочертив длинный поверхностный порез — от ключицы по диагонали вверх, к углу челюсти.

Брызнула темная, горячая кровь. Крупные алые капли окропили белоснежный воротник его рубашки и лацкан пиджака.

— Стоять! — страшный рев Тарасова разорвал шум ливня. Начальник охраны уже летел к машине, выхватывая из подмышечной кобуры пистолет.

— Назад! — рявкнул Романов.

Этот голос был подобен удару бича. Филипп даже не повернул головы в сторону своих людей. Его приказ пригвоздил двухметрового начбега к месту в трех шагах от машины.

Кровь потекла за воротник, а Романов продолжал смотреть ей в глаза. Надя потянула шпильку на себя, собираясь ударить снова, и увидела, как в его взгляде вспыхнул азарт. Так смотрит полярный волк на молодую рысь, посмевавшую вцепиться ему в глотку.

Его широкая ладонь молниеносно перехватила тонкое запястье Нади. Сжатие пальцев было подобно стальным тискам. Кости затрещали. Пальцы девушки непроизвольно разжались, и окровавленная стальная шпилька со звоном ударилась о мокрый капот, соскользнула и утонула в черной луже у колеса.

Романов медленно поднял свободную руку. Двумя пальцами он коснулся разорванной кожи на своей шее. Пальцы окрасились густой, дымящейся на холоде кровью.

Надя тяжело дышала, глядя на него снизу вверх расширенными глазами.

Романов опустил окровавленные пальцы к ее лицу. Надя попыталась дернуть головой, но он жестко зафиксировал ее челюсть, вдавив подушечку большого пальца прямо в ее нижнюю губу.

Горячая, вязкая кровь мазнула по ее рту. Язык обожгло тяжелым, соленым, металлическим привкусом его плоти.

— Дикая кошка, — прошептал Романов. В его низком баритоне зазвучали хриплые ноты неприкрытого вождения и смертоносной угрозы. — Ты посмела пустить мне кровь. Ты оставила на мне свое клеймо. Теперь ты за это ответишь. Ты сполна заплатишь за каждую каплю.

Он отпустил ее подбородок и распрямился. Дождь смывал кровь с его шеи, размазывая алые разводы по белому батисту:

— В машину, Надежда. У тебя осталась одна минута на решение. Твоя мать еще в реанимобиле, а спецборт ждет моей команды.

Глава 3

Надежда закрыла глаза. Горло перехватил удушливый спазм. Она проиграла. Этот зверь держал в своих когтях самое дорогое, что у нее оставалось на этой земле.

Она с трудом оторвалась от горячего металла капота, преодолевая дрожь в коленях, шагнула к распахнутой тяжелой двери лимузина и опустилась на задний кожаный диван.

* * *

Скоростной бесшумный лифт башни «Романов Капитал» взлетал на пятидесятый этаж с плавным, неотвратимым ускорением, от которого у Надежды заложило уши и противно засосало под ложечкой. Зеркальные стены кабины отражали сюрреалистичную картину: двое вооруженных оперативников охраны у дверей, замерший исполин Тарасов и она сама — промокшая до нитки, простоволосая, в мокрой блузке и с размазанной по нижней губе каплей чужой крови.

А рядом стоял хозяин этой цитадели.

Романов даже не пытался зажать рану платком. Он снял испорченный мокрый пиджак, оставшись в жилете и тонкой сорочке. Воротник рубашки был растянут; по левой стороне шеи, наискось пересекая рельефную мышцу от ключицы к челюсти, темнела рваная багровая борозда. Кровь уже начала подсыхать у краев плотной темной коркой, но вид разорванной плоти делал его черты еще более свирепыми и хищными.

Двери лифта разъехались с едва слышным тихим вздохом пневматики.

Кабинет главы корпорации поражал чудовищными, подавляющими масштабами. Огромное пространство площадью не менее двухсот квадратных метров было решено в строгой эстетике темного базальта и металла. Пол был выложен плитами из полированного камня, отражавшего тусклые сполохи потолочных софитов.

Но главное находилось впереди: исполинская стеклянная стена в пол, за которой открывалась бездонная панорама ночной Москвы. Город лежал далеко внизу, распластанный под грозовым небом, мерцая миллионами размытых дождем неоновых огней, словно тлеющие угли колоссального пожарища. На такой высоте казалось, что этот кабинет парит в пустоте между небом и землей.

Посреди помещения высился монолитный стол из черного мореного дуба длиной в четыре метра. За его дальним краем стоял сухопарый мужчина в синем костюме и очках в тончайшей золотой оправе — главный юрисконсульт корпорации Аркадий Воронов.

При появлении босса юрист сдержанно склонил голову:

— Доброй ночи, Филипп Александрович. Документы подготовлены в трех экземплярах в соответствии с вашими особыми директивами.

Романов прошел к столу и опустился в высокое кожаное кресло во главе композиции. Личного врача с раскрытым саквояжем в боковой двери он отстранил коротким движением руки:

— Свободны все, кроме Воронова.

Тарасов и медики бесшумно исчезли за звуконепроницаемыми створками.

Романов указал тяжелым взглядом на массивное кресло с противоположной стороны стола:

— Садись, Надежда.

Надя на негнущихся ногах подошла к столу. Она опустилась на самый край сиденья, выпрямив спину так, словно проглотила стальной клинок. Руки сложила на коленях, сжимая онемевшие пальцы в кулаки, чтобы унять непрекращающуюся мелкую дрожь.

Воронов пододвинул к ней массивную папку из темно-бордовой телячьей кожи с выдавленным на ней родовым вензелем дома Романовых. Папка раскрылась с сухим шелестом плотной гербовой бумаги.

— Договор персонального протокольного сопровождения, соглашение о неразглашении конфиденциальных сведений и безотзывное залоговое обязательство, — сухим голосом произнес юрист. — Извольте ознакомиться с ключевыми статьями.

Надежда опустила глаза на текст. Ровные типографские строки на государственном бланке выглядели чудовищно буднично, оформляя продажу человеческой души в строгие юридические формулировки.

Она читала, впиваясь взглядом в каждую букву:

«...Статья 1. Предмет соглашения. Сторона-2 (Ясенева Н.В.) принимает на себя безоговорочные обязательства круглосуточного персонального, протокольного, представительского и бытового сопровождения Стороны-1 (Романова Ф.А.) сроком на 365 календарных дней с момента подписания настоящего акта...»

«...Статья 2. Финансовые гарантии и компенсации. Сторона-1 берет на себя полное погашение долговых обязательств гражданина Ясенева В.М. на сумму 35 000 000 рублей с приостановлением взыскания на срок договора и аннулированием расписок по его завершении. Сторона-1 обеспечивает полное финансирование операционного вмешательства, транспортировки и последующей реабилитации гражданки Ясеновой Е.С. в клинике кантона Цюрих (Швейцария) на сумму депозита 1 200 000 евро, включая санитарный авиаборт...»

«...Статья 3. Режим проживания и ограничения. Сторона-2 обязуется безотлучно проживать в загородной резиденции Стороны-1 («Поместье Дубрава»). Пункт 3.3. Запрещается покидать периметр безопасности без письменного согласия Нанимателя, использовать несертифицированные средства связи, сеть интернет, а также поддерживать контакты с третьими лицами...»

Пальцы Нади задрожали сильнее. Но ее внимание приковал четвертый раздел:

«...Пункт 4.2. Последствия нарушения режима. В случае самовольного оставления резиденции либо попытки связи с внешним миром медицинский депозит аннулируется в одностороннем внесудебном порядке с момента фиксации нарушения. Долговой вексель на 35 миллионов рублей обращается к немедленному взысканию с наложением ареста на все активы...»

Капкан. Идеальный, герметичный капкан из стали и золота. Ни единой лазейки для побега.

Надя медленно перевернула страницу и подняла глаза на Романова.

Олигарх сидел неподвижно, подперев подбородок сцепленными пальцами. Его ледяные серо-стальные глаза следили за каждым микродвижением ее зрачков. Запекшаяся полоса крови на его шее казалась пугающим украшением.

— Здесь подробно расписаны выходы в свет, платья от кутюрье, улыбки прессе, молчание, запрет на воздух и запрет на мысли, — произнесла Надя твердо, разрезая тишину кабинета. — Но здесь нет ни единого упоминания о вашей спальне, господин Романов.

Юрист Воронов нервно опустил глаза в бумаги.

— Вы покупаете мой фасад для инвесторов? — продолжала Надежда, не отводя взгляда от ледяного лица босса. — Или этот договор — просто прикрытие для права насилловать меня каждую ночь за закрытыми дверями? Отвечайте. Я хочу знать прямо сейчас, какую именно грязь вы вписали в эту сделку.

Тишина, повисшая в кабинете, стала почти осязаемой. За стеклом беззвучно полыхнула молния, озарив профиль Романова мертвенным светом.

Филипп Александрович медленно откинулся на высокую кожаную спинку. На его губах появилась кривая, насмешливая улыбка.

Он достал из кедрового хьюмидора тонкую кубинскую сигару, срезал кончик маленькой золотой гильотинкой и чиркнул массивной зажигалкой. Пламя осветило его хищные скулы и трехдневную щетину.

Романов глубоко затянулся и выпустил густую струю сизого табачного дыма прямо над полированным дубом:

— Ты поразительно самоуверенна для нищей девчонки с окраины, Надежда. Ты всерьез полагаешь, что твое тело представляет для меня такую ценность, ради которой я стану тратить два миллиона евро и свое личное время?

Он стряхнул пепел в тяжелую хрустальную пепельницу:

— Если бы мне понадобилось женское тело в постели — по одному звонку моего секретаря сюда доставили бы дюжину признанных красавиц с обложек глянца. Моя постель не покупается векселями и контрактами. Моя постель — это привилегия. И в нее женщины приходят исключительно по собственной воле.

Он подался вперед, положив предплечья на стол и заглядывая Надежде прямо в душу:

— И ты тоже придешь туда сама. Ты приползешь ко мне по этому персидскому ковру, Надежда. На коленях. Умоляя, чтобы я дотронулся до тебя хотя бы кончиками пальцев. А до тех пор — можешь спать за тремя замками. Мне не нужна сломанная кукла. Мне нужно твое добровольное падение.

Щеки Нади обожгло стыдом и яростью. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони до боли:

— Скорее солнце взойдет на западе, — отчеканила она сквозь зубы. — Вы чудовище, Романов. Богатый, бессердечный рабовладелец, возомнивший себя богом. Я презираю вас. Каждую вашу копейку, каждую каплю вашей власти.

Романов лишь выпустил еще одно кольцо дыма:

— Ненависть — прекрасное чувство, Надежда. Оно бодрит кровь и сохраняет осанку. Ненавидь меня сколько угодно. Но ненавидь безупречно, с улыбкой на губах, когда мы будем стоять под прицелами камер на губернаторском рауте. А сейчас — ставь подпись. Чартерный

медицинский борт на Цюрих вылетает ровно через полтора часа. Без подписанного договора команда на взлет отдана не будет.

Он пододвинул к ней тяжелую перьевую ручку из белого золота с сапфировым наконечником.

Надя посмотрела на сверкающее перо. На нем отражались огни ночной бездны за окном. Это перо было тем самым гвоздем, которым ее сейчас приколачивали к кресту. Но в ушах до сих пор звучал хриплый сип матери на полу прихожей.

Она протянула ледяную руку. Пальцы едва слушались.

Перевернув страницу, Надя нашла графу: «Сторона-2: Ясенева Надежда Владимировна».

Она прижала перо к плотной бумаге. Чернила легли четко, навсегда перечеркивая ее свободу:

Ясенева Н.В.

Когда она вывела последнюю точку, сильная, горячая ладонь Романова внезапно накрыла ее замерзшие пальцы прямо поверх золотого корпуса ручки.

Надю прошибло током. Этот контакт был настолько обжигающим, что дыхание перехватило. Она дернулась, но он удерживал ее руку еще несколько секунд, глядя ей в глаза тяжелым, торжествующим взглядом победителя:

— Сделка заключена, — негромко произнес он, медленно забирая ручку из ее пальцев.
— С этой секунды, Надежда Ясенева, ты принадлежишь мне.

Глава 4

Скоростная загородная трасса тонула в непроглядной ночной мгле. Тяжелый осенний ливень превратил асфальт в сплошной бурлящий поток.

Кортеж из трех черных машин шел на скорости под сто шестьдесят километров в час, разрезая стену воды мощными светодиодными прожекторами. Впереди и сзади неслись шестиколесные бронированные внедорожники сопровождения, а между ними летел удлинённый лимузин Романова.

Внутри салона царила почти кладбищенская тишина. Тройные бронированные стекла и многослойная изоляция полностью отсекали рев мотора, шелест широких колес и удары водяных шквалов по крыше. Салон был обшит темно-бордовой матовой кожей тончайшей выделки. Вдоль потолка струилась приглушенная янтарная подсветка, бросая теплые отблески на полированные вставки из темного ясеня.

Надежда забилась в самый дальний угол заднего дивана, поджав под себя ноги. Ее трясло от непрекращающегося озноба. Огромный плед из шерсти ламы, который молча бросил ей телохранитель при посадке, лежал рядом на сиденье — она принципиально отказалась прикасаться к вещам своего тюремщика.

Справа от нее, на расстоянии вытянутой руки, сидел Филипп Романов.

Он сменил сорочку на тонкий джемпер из темного кашемира крупной вязки. На его шее теперь белела широкая полоса антисептического медицинского пластыря, закрывавшая рваный след от шпильки. На коленях олигарха лежал тонкий углепластиковый планшет. Его длинные пальцы быстро скользили по экрану, просматривая биржевые котировки Сингапура. Он казался абсолютно безучастным к присутствию девушки, словно вез рядом с собой неодушевленный предмет интерьера.

Но Надя знала: это спокойствие обманчиво. Каждое ее движение находилось под его невидимым прицелом.

Она осторожно опустила руку в глубокий боковой карман своей мокрой юбки.

Пальцы нащупали знакомый, спасительный предмет. Старый смартфон с трещиной через весь экран, облупленный пластиковый чехол с наклейкой реставрационной мастерской. Ее единственная нить, связывающая ее с прежней жизнью, со свободой, с памятью.

Сердце Нади заколотилось о ребра, как птица в клетке.

Она медленно извлекла аппарат из кармана и опустила его на колени, прикрыв ладонью. Приглушив яркость экрана до минимума, она открыла мессенджер.

Там светилось последнее сообщение от Полины — ее старшей коллеги по реставрационной мастерской при Государственном историческом музее: *«Надюша, ты где? Мы нашли растворитель для пергамента XVI века, шеф ждет тебя завтра к девяти!»*

Горло сдавило горячим комком слез. Ее мастерская. Запах костяного клея, шелест старинных манускриптов, тихая жизнь, в которой все было честно и чисто. Все рухнуло за одну ночь.

Дрожащими пальцами Надя быстро набрала текст:

«Полечка, родная, умоляю, не ищи меня. В полицию не заявляй, это не криминал. Маму спасли, ее увозят на операцию в Цюрих. Мне пришлось уехать на год по закрытому контракту. Связи не будет. Сохрани, пожалуйста, папины чертежи в нижней секции стеллажа. Прости меня за все...»

Она занесла палец над синей стрелкой отправки.

В этот самый миг под панелью передней перегородки раздался сухой шелчок электронного реле. В темноте консоли вспыхнул маленький рубиновый огонек генератора помех.

На экране смартфона шкала уровня сигнала мгновенно растаяла, сменившись серым крестиком и издевательской надписью: *«Нет сети. Передача данных заблокирована»*.

Надежда судорожно нажала на стрелку раз, другой, третий. Бесполезно. Сообщение повисло с красным восклицательным знаком.

— Я русским языком предупреждал тебя о запрете любых внешних контактов, Надежда, — произнес Романов. Ее палец замер над красным значком неотправленного сообщения.

Романов даже не оторвал взгляда от своего планшета:

— Пункт 3.3 подписанного документа. Полная информационная изоляция.

Олигарх плавно заблокировал планшет, положил его на подлокотник и медленно повернул голову к девушке. Его стальные глаза в полумраке салона казались абсолютно черными. Он протянул к ней раскрытую ладонь:

— Телефон. Сюда.

Надя судорожно прижала потертый корпус к груди обеими руками:

— Нет! Пожалуйста!

В ее голосе впервые за эту страшную ночь прозвучала неприкрытая, отчаянная мольба:

— Не забирайте его! Там фотографии отца! Его последние голосовые сообщения перед инсультом... Там цифровой архив его чертежей, которые сгорели при пожаре на даче! Я не буду никому писать, клянусь вам! Я включу авиарежим, выну сим-карту! Просто оставьте мне память об отце! Это все, что у меня осталось!

Слезы покатились по ее щекам, смывая следы дождя. Она защищала последнее святое, до чего еще не добрались когти титана.

Взгляд Романова задержался на ее мокром от слез лице. На секунду его челюсть напряглась, в глазах мелькнула тяжелая тень. Но жалость была выжжена из его сердца много лет назад.

— Память должна храниться в голове, Надежда, — отчеканил он безжалостно. — А не в куске дешевого пластика. Отдай аппарат.

— Нет! Не отдам! — выкрикнула она, пытаясь спрятать телефон под бедро.

Романов не стал спорить. Он наклонился через салон.

Его левая рука обхватила оба ее тонких запястья, прижимая их к груди с железной силой. Надя попыталась вырваться, но он легко навалился корпусом, лишая ее подвижности.

Он поддел край телефона под ее бедром. Надя попыталась прижать его весом, но корпус уже выскользнул в его ладонь.

— Пустите! Ненавижу! Будьте вы прокляты! — задыхаясь, кричала Надя, колотясь в его тисках.

Романов отпустил ее руки и нажал кнопку на двери. Бронированное стекло опустилось вниз. В теплый салон лимузина ворвался ледяной вихрь мокрого хвойного воздуха и рев дождя.

Олигарх высунул руку с телефоном в открытый проем.

— Романов, нет! Умоляю! — закричала Надя.

Его пальцы просто разжались.

Маленький черный корпус сорвался в бездну ночи, кувыряясь в водяной пыли, и рухнул на мокрый асфальт скоростной полосы.

Романов нажал клавишу интеркома:

— Вадим. Внедорожнику прикрытия: принять чуть вправо. Колесом.

Через зеркало Надя увидела, как массивный внедорожник сопровождения плавно вильнул вправо. Тяжелое бронированное колесо на полной скорости прокатилось точно по упавшему аппарату.

В темноте на долю секунды вспыхнула синяя искра аккумулятора — и тут же погасла. Пластик, стекло с отцовскими фотографиями и чертежами превратились в пыль, размазанную многотонным протектором по мокрому бетону.

Связь с ее прошлым миром была уничтожена физически. Навсегда.

Стекло лимузина поднялось, отсекая вой ветра. В салоне вновь воцарилась душная тишина.

Надежда откинулась на спинку дивана, закрыв лицо ладонями. Она плакала молча, выжигая внутри себя последние остатки девичьей слабости.

Спустя пятнадцать минут лимузин свернул с освещенной магистрали на узкую, абсолютно темную лесную дорогу среди вековых сосен.

Фары выхватили из темноты монументальную каменную ограду высотой в четыре метра, сложенную из гранита.

Впереди выросли циклопические кованые ворота из черного чугуна с гербами Романовых. Гидравлические приводы бесшумно распахнули створки. Машины въехали на территорию старинного поместья «Дубрава». Створки ворот за их спиной с глухим металлическим лязгом сомкнулись, отрезая Надежду от всей остальной планеты.

Лимузин затормозил у парадного крыльца трехэтажного особняка из темно-красного кирпича в георгианском стиле. На террасе горели фонари, отбрасывая золотые круги на мокрые гранитные ступени.

Романов достал из кармана джемпера плоский предмет из черного авиационного титана. Он небрежно бросил аппарат ей на колени:

— В нем одна кнопка вызова. Мой номер. Других номеров в твоей жизни больше нет.

Он вышел под ливень, обошел лимузин и открыл дверь с ее стороны. Олигарх протянул Надежде широкую ладонь:

— Выходи. Твоя спальня на втором этаже.

Надежда подняла голову. Ее лицо было бледным, но глаза горели нестигаемым огнем. Она демонстративно проигнорировала его руку.

Опершись о край проема, Надя вышла сама. Выпрямив спину, она зашагала под струями ледяного дождя вверх по гранитным ступеням особняка с высоко поднятой головой.

У парадных дверей ее встретил безмолвный Вадим Тарасов. Он провел ее по широкой мраморной лестнице на второй этаж.

Тарасов открыл массивную двустворчатую дубовую дверь в конце галереи.

Внутри оказалась огромная, роскошная спальня: кровать под бархатным балдахином, пылающий камин из каррарского мрамора, тепло и смолистый аромат березовых углей. На столике стоял хрустальный графин с водой, лежали махровые полотенца и шелковый изумрудный халат.

Надя ступила на мягкий шерстяной ковер.

Тарасов замер в дверном проеме:

— Располагайтесь, Надежда Владимировна. Филипп Александрович распорядился вас не тревожить. Завтра в восемь утра вам доставят гардероб. Отдыхайте.

Он потянул тяжелую створку на себя. Дубовая дверь спальни захлопнулась с глухим стуком.

А секунду спустя снаружи в замочной скважине раздался тяжелый, сухой металлический двойной щелчок поворачиваемого ключа.

Надежда подошла к высокому стрельчатому окну и прижалась горячим лбом к стеклу.

Сквозь решетку дождевых струй она видела черную громаду соснового бора, чугунные ворота и стоящего у капота «Майбаха» Филиппа Романова. Он стоял под ливнем, задрал голову, и его ледяной взгляд был прикован прямо к ее окну.

Золотая клетка захлопнулась.

Глава 5

Холодный рассвет просачивался сквозь кроны вековых сосен неровными, колючими полосами.

Надежда открыла глаза, с трудом осознавая, где находится. Тело ломило, затылок гудел тяжелой болью, а в пересохшем горле стоял едкий привкус ночного кошмара: запах мокрого асфальта, озона и чужой крови, которую Филипп Романов размазал по ее губам у капота своего лимузина.

Она лежала поверх стеганого покрывала из сапфирового шелка в потертых синих джинсах и старом сером свитере крупной вязки. Перед рассветом охрана привезла из квартиры сумку с ее вещами; Надя сбросила промокшие блузку и юбку, закуталась в сухую шерсть и только тогда уснула. Этот свитер отец связал сам за полгода до рокового инсульта. Он пах пылью архитектурных чертежей, сухим табаком и навсегда потерянным домом.

На широкой гранитной тумбочке у изголовья спал матовым блеском черный брусок титанового телефона. Без экрана и клавиатуры — лишь одна утопленная кнопка экстренной спутниковой связи. Номер хозяина. Единственная вещь, оставленная ей взамен разбитого под колесом броневика смартфона.

Надя села, обхватив колени.

Спальня поражала давящим великолепием: сводчатые потолки с лепниной, стены в жемчужно-сером штофе, монументальный портал камина из белого каррарского мрамора, где еще тлели толстые березовые поленья. Огромная кровать под бархатным балдахином казалась отдельным островом на персидском ковре. Золотая клетка. Роскошная, глухая, отрезанная от мира пятиметровыми чугунными воротами и вооруженной охраной.

Она подошла к стрельчатому окну. Внизу, за полосой английского газона, стоял стеной глухой бор в утреннем тумане. Ни единого жилого дома, ни звука машин.

Ровно в восемь утра тишину коридора разорвал сухой звук шагов.

В замочной скважине дубовой двери дважды с тяжелым металлическим щелчком проворнулся ключ. Створка бесшумно распахнулась.

В спальню вошли горничные в безупречной серой униформе, катя перед собой две хромированные стойки на колесиках. Стойки прогибались под тяжестью нарядов в прозрачных кофрах: кашемир, шелк, строгие жакеты и брючные костюмы мягких аристократических оттенков от Loro Piana, Brunello Cucinelli, Max Mara.

Следом ступала старшая экономка — Марфа Васильевна. Женщина строгих пятидесяти лет, с гладко зачесанным пучком волос с проседью и ледяным, вымуштрованным взглядом. В руках она несла коробки с бельем La Perla и обувные боксы.

— Доброе утро, Надежда Владимировна, — произнесла Марфа, задержавшись у стойки; горничные ждали ее знака. — Филипп Александрович распорядился обновить ваш гардероб до единой нитки. Прошлые вещи подлежат списанию и утилизации. Через тридцать пять минут вас ожидают в малой столовой к завтраку.

Надя медленно отступила к подоконнику, судорожно вцепившись пальцами в шерсть отцовского свитера на груди:

— Уберите это.

Марфа даже бровью не повела, пока горничные выставляли замшевые лоферы цвета кэмел:

— Прошу прощения?

— Я сказала: уберите эти стойки. Немедленно. Я не кукла, которую наряжают по звонку. У меня есть своя одежда. Ее мне привезли ночью, в ней и останусь.

— Надежда Владимировна, в резиденции «Дубрава» существуют строгие правила протокола. Хозяин не выносит пренебрежения статусом. В подобном виде вы не можете покинуть спальню.

— Значит, я не покину эту спальню! Передайте вашему господину, что он купил мой год, но не право решать, в чем мне дышать! Забирайте эти вещи и убирайтесь вон!

— В моем доме кричать на персонал не принято.

Низкий, рокочущий бас прозвучал от порога так властно, что воздух в комнате словно сжался.

Горничные моментально вытянулись в струнку, потупив взоры. Марфа отступила, склонив голову в глубоком почтении.

В проеме стоял Филипп Романов.

На нем были темно-синие домашние брюки из тонкой фланели и свитер из монгольского кашемира с V-образным вырезом. Воротник джемпера слегка сбился, открывая ключицу и шею.

Там, прямо над сухожилием, где вчера ночью Надя вспорола ему кожу стальной шпилькой, белел аккуратный прямоугольник медицинского бактерицидного пластыря. Под повязкой скрывался свежий порез, нанесенный ее рукой. Ее отметина. Ее клеймо на теле титана.

От Романова веяло морозной хвоей, горьким бергамотом, терпким кофе и тем первобытным запахом опасности, от которого у Нади перехватило дыхание, а сердце сорвалось в галоп.

— Оставьте нас, — не повышая голоса, бросил он прислуге.

Женщины бесшумно исчезли, притворив дубовую створку.

Романов сделал три шага вперед. Его рост — метр девяносто чистой мощи — заполнил спальню. Стальные серо-голубые глаза с тяжелым прищуром медленно скользнули по фигуре Нади: от растрепанных каштановых волос до босых ног на ковре.

— Ты выглядишь как оборванка, Надежда. В моем особняке слуги одеты опрятнее, чем ты сейчас.

Кровь бросилась Наде в лицо обжигающей волной:

— Этот свитер связал мой отец за полгода до смерти! Это единственная чистая вещь в этом проклятом склепе, потому что она не куплена на ваши ворованные миллионы! Я скорее сдохну, чем надену шелка вашего гарема!

Желваки на скулах Романова закаменели. В глубине стальных глаз вспыхнуло опасное пламя. Он сократил расстояние в два широких шага, остановившись вплотную:

— Следи за языком. Чистота не измеряется лежалой овечьей шерстью. Вчера ночью на пятидесятом этаже башни ты подписала официальный договор сопровождения. Приложение к договору: безукоризненное соблюдение дресс-кода, установленного нанимателем. Ты думала, я позволю тебе превратить мой дом в филиал твоей нищей ночлежки?

— Я подписала договор ради мамы! Вы отобрали у меня телефон с памятью об отце, вы раздавили его колесом! Теперь хотите отнять последнюю вещь?!

— Именно, — холодно отозвался он. — Я выжгу из тебя эту глупую гордыню дотла.

Прежде чем Надя успела отшатнуться, Романов развернулся и шагнул к креслу у эркера, где лежала ее старая куртка-ветровка и хлопковая кофта. Одним движением ладони он сгреб вещи в охапку.

— Что вы делаете?! Не трогайте! — в ужасе крикнула Надя, бросаясь вперед.

Романов не удостоил ее взглядом. Двумя шагами он пересек комнату и подошел к мраморному камину. Удерживая одежду левой рукой, он правой взял кочергу и с силой ворохнул угли. Сизый пепел взметнулся вверх, березовые поленья с треском раскололись, и из глубины портала вырвалось яростное алое пламя.

Филипп вернул кочергу на подставку и разжал левую руку.

Старая ветровка и кофта рухнули прямо на раскаленные угли. Синтетика зашипела, суживаясь в черные сморщенные комки, вспыхнула ядовитым оранжевым факелом, а следом занялся серый хлопок. Едкий дымок потянуло в мраморную вытяжку.

— Нет! — отчаянный крик вырвался из груди Нади.

Забыв обо всем на свете, она бросилась к камину. Ее руки метнулись прямо в раскаленное жерло, пальцы потянулись к огню, пытаясь выхватить хотя бы тлеющий рукав, спасти хоть крупицу прошлого.

Но дотронуться до пламени ей не дали.

Тяжелые железные руки обрушились на нее сзади, как капкан. Романов перехватил ее поперек ребер и с сокрушительной силой рванул назад, буквально оторвав ее ноги от пола.

— С ума сошла, дура?! — прорычал он прямо ей в ухо.

Надя забилась в его тисках, извиваясь всем телом, колотя пятками по его голеним, впинаясь ногтями в шерсть его рукавов:

— Пусти! Ненавижу! Чудовище! Ты сжег все, что у меня было!

— Замолчи! — его хватка стала невыносимо жесткой, ребра затрещали под давлением его стальных предплечий.

Он прижал ее спиной к своей широкой груди так плотно, что сквозь ткань свитера Надя ощутила бешеный ритм его пульса. От него разило жаром, яростью и той первобытной мужской доминантой, перед которой женское тело капитулировало вопреки рассудку. Ноги Нади подкосились, дыхание сбилось на всхлипы.

Одним властным движением Романов развернул ее лицом к себе, прижав лопатками к мраморному пилону у камина.

Теперь он нависал сверху, уперев ладонь в мрамор над ее плечом. Их разделяли считанные сантиметры. Надя видела каждую пору на его смуглой коже, темную щетину на подбородке и расширенные зрачки, в которых плясали отсветы огня.

— Послушай меня, девочка, — прошептал он с леденящей мягкостью, от которой по коже побежали мурашки. — Твоего прошлого больше нет. Оно сгорело в том коридоре, где твоя мать умирала на полу. Я вытащил ее с того света. И взамен требую полной покорности.

Он медленно опустил взгляд на ее грудь, где судорожно вздымались ключицы. Пальцы миллиардера легли на воротник грубой вязки у самого ее горла, обжигая кожу:

— Ты снимешь этот мешок добровольно. Наденешь платье, которое выбрал я. И спустишься вниз. Если через десять минут ты не будешь сидеть за столом — я вернусь сюда. И сорву этот свитер сам. Вместе с бельем. Ты поняла?

Его большой палец скользнул по ее шее вверх, коснувшись подбородка и властно приподняв ее лицо. Взгляд Романова задержался на ее губах — тех самых, которых вчера коснулась его кровь. На мгновение в его глазах блеснуло нечто настолько голодное и темное, что внутренности Нади скрутило узлом запретного жара.

Она сглотнула горький ком унижения. Глаза жгло от слез, но во взгляде застыла сталь.

— Я переоденусь, — хрипло выговорила она. — Сама. Уберите руки.

Романов медленно отнял пальцы от ее лица. Отступил на полшага, окидывая ее фигуру победным взглядом:

— Десять минут, Надежда. Время пошло.

Глава 6

Он развернулся и вышел из спальни твердой поступью хозяина.

Шелк нового платья коснулся обнаженной кожи прохладной, струящейся волной.

Надежда стояла перед трехстворчатым зеркалом, застегивая потайную молнию на спине. Платье сидело безупречно, словно сшитое по индивидуальным меркам: закрытый воротник-стойка мягко облегал шею, длинные узкие рукава скрывали запястья, а плотный матовый шелк песочно-бежевого оттенка подчеркивал тонкую талию, высокую грудь и женственный изгиб бедер. Ни миллиметра лишней обнаженности. Строгость монахини в оправе баснословной роскоши.

Она туго скрутила темно-каштановые волосы на затылке, закрепив их деревянной шпилькой из светлого клена. Ни грамма косметики. Только бледное, словно мрамор, лицо и огромные карие глаза, в глубине которых застыла колючая решимость.

Надя коснулась припухших век холодными пальцами и подняла подбородок. Пусть за завтраком ему придется отвечать на вопросы, а не принимать ее благодарность.

Спустившись по беломраморной лестнице, Надя замерла в центральном холле. Пространство усадьбы «Дубрава» подавляло своим размахом: высота потолков не меньше шести метров, старинные гобелены фламандской работы на стенах, начищенный до зеркального блеска паркет и неестественная тишина, которую лишь изредка нарушал тихий шелест подошв охраны.

— Сюда, Надежда Владимировна, — вышколенный лакей в строгом черном жилете бесшумно распахнул перед ней высокие створчатые двери малой столовой.

Комната была залита холодным светом, льющим сквозь арочные французские окна. Вдоль стен тянулись панели из беленого английского дуба, на консолях стояли вазы с белыми орхидеями, а в центре зала высился пятиметровый стол из массива ореха. В дальнем углу мягким зеленоватым светом мерцал каминный портал из цельного иранского оникса.

Филипп Романов сидел во главе стола.

Он уже сменил свитер на белую сорочку без галстука с расстегнутой верхней пуговицей. Белый медицинский пластырь на его шее выглядел дерзким контрастом на фоне безупречно выглаженного хлопка. Перед миллиардером дымилась фарфоровая чашка с ристретто, а рядом стоял открытый сверхтонкий титановый ноутбук, по экрану которого непрерывным потоком бежали столбцы биржевых индексов.

Надя намеренно проигнорировала придвинутое для нее кресло по правую руку от хозяина.

Не издав ни звука, она прошла через всю столовую, отсчитав пять метров полированного дерева, и выдвинула тяжелый стул на самом противоположном конце стола — ровно напротив Романова, через разделяющую их пропасть.

Села с идеально прямой спиной, положив сцепленные ладони на колени.

Лакей мгновенно опустил перед ней тарелку тончайшего мейсенского фарфора с пышным горячим омлетом, усыпанным белыми грибами и зеленью, корзинку с круассанами, розетку со свежей малиной и серебряный кофейник с гравировкой родового вензеля Романовых.

— Приятного аппетита, — лакей поклонился и удалился.

Надя даже не взглянула на еду. Она сидела неподвижно, устремив ледяной взор в точку над переносицей мужчины.

В столовой повисла давящая тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком напольных бронзовых часов.

Романов не поднимал головы от экрана добрые две минуты. Затем сделал неторопливый глоток обжигающего кофе и только после этого перевел тяжелый взгляд серо-голубых глаз на Надежду:

— Пересядь ближе. Я не привык повышать голос за утренним столом.

— Мне прекрасно слышно вас и отсюда, господин Романов. Расстояние между нами — единственное, что делает воздух в этой комнате пригодным для дыхания.

Тонкая бровь миллиардера чуть дернулась вверх. Он захлопнул крышку ноутбука. Звук магнитного замка прозвучал сухо, как щелчок курка:

— Ты не притронулась к приборам.

— Какая поразительная наблюдательность для владельца инвестиционной империи.

— Врачебный протокол предписывает регулярное питание трижды в сутки, — его голос стал на тон ниже, приобретая металлическую твердость. — Ты бледная, под глазами залегли тени. Мне не нужна падающая в обморок спутница. Возьми вилку.

— Я объявила голодовку. Я не проглочу ни крошки с вашего барского стола. Вы сожгли мои вещи, вы отобрали мой телефон, вы держите меня взаперти. Но моим телом вы распорядиться не будете.

Романов медленно откинулся на спинку кожаного кресла, положив широкие ладони на подлокотники:

— Ты затеяла детский бунт, Надежда. В надежде на что? Что я стану уговаривать тебя?

— Я требую правды! — ее голос сорвался на звенящую ноту. — Где моя мать?! Что с ней?! Вы обещали швейцарский кардиоцентр, вы обещали ночной самолет! Откуда мне знать, что вы не бросили ее умирать в обычной больнице, пока сами тешите свое самолюбие моей неволей?!

Лицо Романова осталось маской из холодного серого гранита.

Он достал из кармана жилета плоский алюминиевый пульт и нажал сенсорную кнопку.

Панель из беленого дуба на торцевой стене с тихим шипением скользнула вверх. Под ней открылся гигантский экран ультравысокого разрешения.

Экран мигнул, вспыхнул темно-синий герб: Universitätsspital Zürich. Klinik für Herz- und Gefäßschirurgie.

Раздался мелодичный сигнал спутникового шлюза. Картинка переключилась на видеопоток высокой четкости.

Надя невольно подалась вперед, вцепившись пальцами в край дубового стола.

На экране была стерильная палата реанимационного блока. Стены из матового медицинского пластика, экраны кардиомониторов с изумрудными синусоидами пульса и цифрами давления.

А на ортопедической кровати спала Елена Сергеевна.

Мать дышала ровно и глубоко. Под ее носом была закреплена прозрачная канюля, подающая кислород, к руке шел катетер инфузомата. Землисто-серая синева, с которой она задыхалась вчера на полу прихожей, ушла. На щеках пробивался бледный, но живой румянец.

В кадр вошел пожилой мужчина в темно-синем хирургическом костюме и круглых очках в тонкой оправе. На бейдже золотом блестела гравировка: Prof. Dr. med. Christian Schneider. Chief of Cardiac Surgery.

Профессор поздоровался по-немецки, затем перешел на русский:

— Guten Morgen, Herr Romanov. Докладываю по состоянию фрау Ясеновой. Спецборт с медицинской бригадой совершил посадку в аэропорту Клотен в три часа ночи по местному времени. Мы немедленно доставили пациентку в операционную.

Надя задержала дыхание, ловя каждое слово.

— Состояние коронарного русла было критическим, — продолжал профессор Шнайдер. — Мы диагностировали окклюзию передней нисходящей артерии на девяносто процентов.

Проведена экстренная ангиопластика с установкой стента. Состояние клапана оценим после стабилизации. Вмешательство прошло без осложнений. Сердечный ритм стабилен. Первые результаты обнадеживают, но наблюдение продолжается.

Романов нажал тангенту микрофона на столе и ответил по-русски, чтобы Надя слышала каждое слово:

— Спасибо, Кристиан. Обеспечьте круглосуточный сестринский пост и индивидуальную палату. Все счета закрывайте напрямую с моего трастового депозита в швейцарском банке.

— Разумеется, господин Романов. Депозита в два миллиона франков более чем достаточно для полного стационара и реабилитации в Давосе. До связи.

Профессор кивнул и коснулся экрана. Связь прервалась. Панель из дуба бесшумно опустилась на место.

В столовой снова воцарилась глухая тишина.

У Нади перехватило горло. Слезы обожгли веки. Она судорожно прижала ладонь к губам, заглушая всхлип облегчения. Мама жива. Операция позади. Лучший кардиохирург Европы сделал то, на что у них с матерью не было ни единого шанса за всю жизнь.

Романов медленно положил пульт на полированное дерево. Его стальные глаза сканировали каждую ее эмоцию:

— Два миллиона швейцарских франков, Надежда. Именно столько лежит на специальном медицинском счете в Цюрихе. Счет открыт на мое имя. И управляется одной электронной подписью с моего телефона.

Он выдержал паузу, вбивая каждое слово тяжелым грузом:

— Если ты сейчас встанешь из-за стола... Если откажешься подчиняться распоряжку этого дома... Если позволишь себе хотя бы один жест неповиновения — один звонок моему цюрихскому поверенному аннулирует гарантийное письмо. Через два часа профессора Шнайдера заменят на дежурного интерна. А через четыре — твою мать на каталке выкатят за ворота клиники в кантональный приют для неимущих мигрантов. Ее сердце остановится до захода солнца.

Каждое его слово вбивалось в голову Нади, как стальной гвоздь.

Перед ней сидел безжалостный хищник высшей категории, выстроивший вокруг нее монолитную клетку из дочерней любви и финансовой мощи. Ловушку, из которой не было выхода.

— Вы... дьявол, — прошептала она пересохшими губами. — Расчетливый, бессердечный мясник.

— Я инвестор, Надежда. Я защищаю свои активы. Я вложил в жизнь твоей матери состояние и требую соблюдения условий контракта. Ты хотела знать правду — ты ее получила. А теперь возьми вилку. И начни есть.

Надя опустила взгляд на тяжелый серебряный прибор.

Пальцы предательски дрожали. Вся ее гордость разбилась о ледяное спокойствие этого человека. Ради матери она была готова ползти на коленях по стеклу. И он знал это с первой секунды.

Она протянула руку. Серебро обожгло кожу холодом.

Медленно подцепив кусочек омлета, Надя поднесла его ко рту. Еда не имела вкуса, застревала в спазмированном горле, но она заставила себя проглотить. Один кусок. Второй. Третий.

Романов следил за каждым движением вилки. Надя задержала вилку над тарелкой и выдержала его взгляд: он получил завтрак по расписанию, но улыбки от нее не дожидется.

Проглотив четвертый кусок, Надя со стуком опустила вилку на край тарелки. Ее карие глаза полыхнули концентрированным огнем:

— Вы можете сломать мое тело, Романов. Но моей душой вы подавитесь. Слышите? Рано или поздно вы подавитесь тем ядом, которым пичкаете меня сейчас.

Филипп не отвел взгляда. В уголках его губ мелькнула хищная усмешка:

— Я не давлюсь тем, Надежда, что мне по-настоящему по вкусу. Продолжай завтракать. Тебе понадобятся силы.

Он плавно поднялся из-за стола, поправив манжеты белоснежной рубашки:

— В полдень у меня закрытое совещание совета директоров в Сити. Вернусь к вечеру. До этого времени ты можешь перемещаться по первому и второму этажам, выходить в парк в пределах внутренней ограды. Но предупреждаю: чугунные ворота заблокированы. А на внешнем периметре дежурит группа Тарасова с приказом стрелять без предупреждения по колесам любого транспорта, пытающегося приблизиться к выезду. Не делай глупостей, девочка. Твоя жизнь теперь принадлежит не тебе.

Он развернулся и вышел из столовой, оставив ее наедине с ощущением железного ошейника, затянувшегося на горле до предела.

Глава 7

Было уже больше трех часов ночи, но сон так и не шел.

Комната казалась раскаленной до предела. Несмотря на приоткрытую створку стрельчатого окна, откуда тянуло сырым сосновым туманом, Надежда задыхалась. Шелковые простыни цвета графита жгли кожу, тяжелое одеяло давило на грудь свинцовой плитой, а в висках непрерывно пульсировала одна и та же мысль: она пленница. Официально проданная за жизнь матери на триста шестьдесят пять дней.

В горле невыносимо пересохло. На столике у камина стоял хрустальный графин, но вода в нем казалась затхлой и теплой. Ей отчаянно нужен был глоток ледяной свежести, чтобы сбить лихорадочный жар, сжигавший тело изнутри.

Надя бесшумно поднялась с постели.

Из принесенного утром гардероба она надела лишь тончайшую ночную сорочку из натурального шелка цвета топленого молока. Вещь струилась по телу невесомой прохладой: тонкие бретели едва ощущались на плечах, глубокий V-образный вырез был оторочен тончайшим французским кружевом, прикрывавшим ложбинку груди, а подол едва доходил до середины бедра.

Босиком, ступая бесшумно, как тень, она приоткрыла тяжелую дубовую дверь спальни. Ключ снаружи на этот раз не повернули — видимо, Романов счел, что после утренней демонстрации швейцарской клиники поводок затянут достаточно крепко.

В коридорах второго этажа царил бархатный полумрак. Ночные бра из матового стекла отбрасывали на наборный паркет длинные янтарные полосы. Дом спал тяжелым, загородным сном.

Спускаясь по широкой винтовой лестнице в северное крыло особняка, Надя внезапно уловила странный, ритмичный звук, доносившийся из цокольного яруса. Глухой, мерный плеск воды. Сильные, мощные удары, рассекающие водную гладь, и тяжелое, хриплое дыхание пловца, отражающееся эхом от высоких каменных сводов.

Любопытство и желание спуститься к источнику прохлады пересилили осторожность.

Миновав арочный переход, Надя толкнула тяжелую дверь из тонированного матового стекла.

Теплый, влажный воздух, напоенный ароматом морской соли, озона и терпкого кедрового масла, мгновенно окутал ее обнаженные плечи. Перед ней открылось грандиозное пространство крытого спа-комплекса. Двадцатипятиметровая чаша бассейна была выложена черной стеклянной мозаикой, а вода мерцала изнутри фантастическим, глубоким бирюзовым светом подводных прожекторов. Огромные панорамные окна во всю стену выходили прямо в ночной сосновый бор, залитый призрачным серебряным сиянием полной луны.

И посреди этой бирюзовой бездны плыл мужчина.

Надя замерла за широким граненым пилоном из серого сланца, боясь даже вздохнуть.

Это был Филипп Романов.

Он плыл кролем — с той пугающей, сокрушительной мощью, которая заставляла сердце пропускать удары. Длинные, идеальные гребки мускулистых рук, вздымающие каскады белой пены, мощный поворот торса, идеальная гидродинамика хищного тела. Вода смыкалась за плечами пловца; к ближнему краю снова подкатывала волна. Надя прижалась к пилону, пряча босые ступни от брызг.

Достигнув противоположного бортика, он сделал резкий подводный кувырок, мощно оттолкнулся ногами от кафеля и полетел обратно, разрезая бирюзовую гладь с пугающей скоростью торпеды.

Надя стояла, парализованная этим зрелищем. Ее ладони невольно вжались в шершавый камень пилона. Она видела каждую мышцу его широкой, клиновидной спины, мощные жгуты широчайших мышц, перекатывающихся под смуглой бронзовой кожей, узкую талию и рельефные бедра.

У ближней гранитной лестницы Романов резко затормозил.

Одним мощным, пружинистым толчком он выбросил свой корпус из воды и сел на полированный бортик бассейна.

Резким взмахом головы он откинул назад мокрые угольно-черные пряди волос. Струи бирюзовой воды с шумом стекали по его широким покатым плечам, очерчивали мощные грудные мышцы, сбежали бурными ручьями по рельефным кубикам стального пресса и терялись в темной дорожке волос, уходящей под низкую посадку черных плавков.

На его шее, прямо над ключицей, белел влажный прямоугольник специального спортивного водонепроницаемого пластыря. След ее вчерашнего удара.

В лунном свете, бьющем сквозь панорамное остекление, его тело казалось высеченным из цельного куска темного полированного базальта. Ни капли лишнего жира. Только плотные узлы мышц, дикая энергия и абсолютная, первобытная мужественность, от которой внизу живота у Нади скрутилась тугая, обжигающая волна стыдного, неконтролируемого жара.

Внезапно Романов медленно повернул голову в сторону ее укрытия.

Его серо-голубые глаза, обычно ледяные и отстраненные, в полумраке горели темным, хищным фосфорическим огнем. Он заметил ее с первой же секунды. Ни капли удивления на точеном лице — лишь ленивая усмешка матерого волка, в чье логово добровольно забрела глупая косуля.

Филипп поднялся на ноги во весь свой гигантский рост. С его тела водопадом срывались капли, разбиваясь о серый сланец с тихим шорохом.

Не произнося ни слова, он неторопливо шагнул прямо к ней.

Паника — дикая, всепоглощающая — сорвала Надежду с места. Она отшатнулась от колонны, развернулась, собираясь выскочить обратно за стеклянную дверь, но ее влажная босая пятка предательски соскользнула на мокром сколе плитки у края водостока.

Земля ушла из-под ног. Равновесие мгновенно потерялось. Надя сдавленно вскрикнула, запрокидываясь навзничь на каменный пол.

Но удара о жесткий сланец не последовало.

Длинная, железная рука Романова выстрелила вперед с быстротой молнии. Его широкая мокрая ладонь сомкнулась на ее талии в воздухе, перехватывая падение, а вторая рука властно легла под лопатки.

Одним сокрушительным рывком он притянул ее к себе, поднимая над полом и впечатывая в свой обнаженный, пышущий жаром торс.

— Попалась, — глухо выдохнул он.

Ледяная вода с его груди, плеч и волос хлынула на Надежду потоком.

Тончайший шелк ее ночной сорочки намок в доли секунды. Мокрая ткань цвета теплого молока мгновенно потеряла плотность, став абсолютно прозрачной. Она облепила ее тело, как тонкая пленка, не оставляя простора воображению.

Надя почувствовала это с ужасающей, парализующей ясностью: прозрачный шелк безнадёжно обтянул ее высокую грудь, выставив напоказ порозовевшие, затвердевшие от шока и холодных брызг соски, облепил плоский живот и изгиб бедер. Она была перед ним нагой. Куда более обнаженной, чем если бы скинула сорочку вовсе.

Ее разгоряченная кожа соприкасалась с его мокрой, жесткой грудью. Сквозь прозрачную мокрую ткань она ощущала каждый бугорок его мышц, жар его тела и сокрушительную, каменную твердость его мужской плоти, натягивающей темную ткань плавков и упирающейся прямо в ее бедро.

— Пустите... — выдохнула Надя, задыхаясь.

Ее ладони уперлись в его мокрые, скользкие плечи. Пальцы беспомощно соскальзывали по упругой горячей коже, покрытой каплями влаги. Запах бассейна, горького сандала, морской соли и дикого, концентрированного мужского феромона ударил в ноздри, начисто выбивая способность мыслить рационально.

Романов не отпустил. Напротив — его ладонь на ее пояснице сместилась ниже, прижимая ее хрупкий таз к своим бедрам еще плотнее, до боли, до ощущения полной, абсолютной капитуляции.

Он склонил голову к ее лицу. Расстояние между их губами сократилось до ничтожного миллиметра. Надя ощущала на своих губах прерывистое, горячее дыхание зверя, готового разорвать добычу.

— Не спится, птичка? — его голос вибрировал глухим, хриплым рыком, от которого у нее подкосились колени. — Пришла проверить, насколько крепка твоя клетка? Или решила разделить со мной воду?

— Я... я просто хотела пить... пустите меня, Романов, пожалуйста... — прошептала она пересохшими губами, чувствуя, как предательская слабость разливается по венам жидким огнем. Ее сердце колотилось о его ребра с такой неистовой силой, что удары сливались в сплошной гул.

— Пить? — он криво усмехнулся, глядя прямо в ее расширенные, потемневшие зрачки. — В твоих глазах нет жажды воды, Надежда. В них горит чистый, первобытный ужас. И желание, которое ты боишься признать даже самой себе.

Он медленно поднял правую руку. Влажные пальцы коснулись ее подбородка, а шершавая подушечка большого пальца легла на ее нижнюю губу.

Медленным, сводящим с ума движением он провел по нежной коже, слегка надавливая, заставляя ее губы приоткрыться. В его стальных глазах полыхнула такая бездна голода и темного безумия, что Наде показалось — сейчас рухнут своды особняка.

— Ты ходишь по лезвию бритвы, Надя, — прошептал он прямо в ее приоткрытые губы, обжигая дыханием. — Еще одна секунда... Еще один твой вдох в моих руках — и я наплюю на все пункты твоего контракта. Я раздеру эту мокрую тряпку и возьму тебя прямо здесь. На этом холодном камне. И ты не станешь кричать. Ты будешь умолять меня не останавливаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.